

Развенчивать кумира, рассказывая, каким он был сомнительным персонажем — традиционная стратегия мемуаристов, но в воспоминаниях о Высоцком эта линия стала главной

культурная политика | ГРИГОРИЙ РЕВЗИН

Сегодня исполняется 25 лет со дня смерти Владимира Высоцкого. За это время вымерли герои его песен и, кажется, было сделано все, чтобы развенчать самого кумира. Но кумир устоял.

Почитатели Владимира Высоцкого обнаруживаются в неожиданных местах — то вдруг в Краснодаре создадут музей, то в Новосибирске. Каждый из этих музеев создает сайт: песни, фильмография, воспоминания современников, форум. Первые три пункта везде одинаковы — это понятно, но, что интересно, последний тоже. Он начинается письмом какого-нибудь пожилого человека, словами о том, что он хотел бы понять, важен ли Высоцкий для молодых, слушают ли они его, поют ли. Потому что сегодняшние молодые не представляют себе, кем был Владимир Высоцкий, потому что когда он умер, то осиротела русская земля. А потом следуют ответы молодых: как же, как же, слушаем, поем. «Мне вот, например, — пишет Сеня, — близки песни про зарядку. И еще про цирк».

Можно понять и этого пожилого с его беспокойством, и этих молодых людей, которые отвечают, и даже проникнуться к ним симпатией. Музей Владимира Высоцкого в Москве опрашивает людей, знавших его. Там среди режиссера Митты и адвоката Падвы попадаются люди из далеких городов с рассказом о том, что «вот работал я в 1977 году главным инженером домостроительного комбината и устраивал концерт Высоцкого». Это, может быть, самое яркое, что случилось в жизни бывшего главного инженера исчезнувшего теперь комбината. «Высоцкий приехал и пел, а потом был банкет, а пить он отказался, а потом меня вызывали в горком». И вот, думаешь, через 25 лет сидит этот человек и волнуется: помнят ли, чувствуют ли?

Коммерсантъ. 2005. 25 июля. — с. 13.

Неактуальные песни, актуальный герой

Хороший человек. И дети тоже хорошие — уважают. Да, говорят, помним, чувствуем. «Я вот, например, дедушка, помню про зарядку. А ты, Маша?» — «А я помню про любовь у него хорошая песня. Там жираф и антилопа — как бы иносказание». Но с другой стороны, надеешься, что эти дети просто уважают дедушку. Потому что если парень в своем Краснодарском крае сидит и всерьез слушает про зарядку, то у него с жизнью какая-то серьезная разминка.

Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что герой Высоцкого ушли. И ушли как-то все. Нет больше ни его моряков, ни альпинистов, ни алкоголиков, ни спортсменов, ни акробатов, ни военных, ни доцентов с кандидатами — никого. Был очень разнообразный социум, и Высоцкий опел его весь, а теперь весь этот социум вымер. Даже удивительно, как быстро — за 25 лет — от разнообразного советского мира в более или менее аутентичном виде сохранились только менты, кагэбэшники и интеллигенты. Но про них Высоцкий по разным причинам не пел.

Не то чтобы о нем не вспоминают люди немаргинальные, но как-то странно. Артисты, писатели, коллеги, друзья, знакомые, случайные знакомые. Но это специфический тип воспоминаний. Они выстроены в жанре «все знают, каким великим человеком был Высоцкий, но вот я, знавший его лично, могу сказать, что был он, кроме того, еще и...». Еще и алкоголиком, и тут каждый вспоминает историю его завязок и развязок. Еще постоянно устраивал драки по ресторанам. Еще здорово, всерьез был озабочен шмотьем — от ботинок до «Мерседеса». Еще и человеком, искренне увлеченным большими деньгами. Еще и человеком, постоянно что-то устраивавшим через разных знакомых — машины, недвижимость, товары, услуги. Еще и наркоманом, плотно сидевшим на игле.

Сначала, когда я все это читал, у меня было ощущение, что друзья и знакомые словно сознательно заняты разрушением культа Высоцкого. Потому что «быть можно дальенным человеком и думать о красе ногтей», но быть нельзя печалователем за землю русскую и мечтать о новом «Мерседесе». Разные культурные контексты накладывают разные обязательства на то, что можно, а чего нельзя. В принципе развенчивать кумира, рассказывать, каким в жизни он был сомнительным персонажем — традиционная стратегия мемуаристов, а в мемуаристике про Высоцкого эта линия стала главной. Бывает.

Но потом я подумал, что дело не в развенчивании кумира, а в другом. Вот это — печаловаться за землю русскую и мечтать о новом «Мерседесе» — как раз на сегодняшний день очень даже понятная ситуация. И даже если какой-нибудь культурный человек начинает особенно активно печаловаться — ездит с лекциями, концертами, то, вероятно, он решил менять машину, или квартиру, или жену. Опять же важны и козловые ботинки, и зауженные штаны. И в кабаке оттянуться, и наркота, конечно, предосудительна, но тоже очень понятна. Крайне полезны знакомства, помогающие в приобретении недвижимости по нестандартным схемам, а также связи среди адвокатов и чинов МВД, позволяющие эти схемы страховывать. Я хочу сказать, что как раз эти черты не столько развенчивают кумира, сколько приближают Высоцкого к современности. И даже читая про все это, гораздо больше понимаешь, почему русская современность получилась именно такая, а не какая-то еще. Про зарядку, Сеня, это неактуально, а вот возможность в любой момент связаться с Генрихом Падвой — это да. Это люди до сих пор ценят и понимают.

Есть сборник стихотворений, написанных на смерть Высоцкого. Очень показательная книга. Такое ощущение, что там взят

Лермонтов — «На смерть поэта» — и каждая его строчка сделана темой отдельного стихотворения. И про «оклеветанный моловой», и про «что ж, веселитесь». Это искренние стихи. Это был действительно колоссальный, всеобщий траур, это действительно осиротела русская земля. Такого почти ни с кем не было, по пальцам можно пересчитать: Пушкин, Есенин. Я хочу сказать, что когда народ так реагирует на смерть человека, то он, видимо, действительно сказал что-то самое главное. И народ в таких вещах вроде бы не ошибается.

А тут получилось, что ошибся. Это странно, я бы сказал, это симптом какой-то болезни. Подумаешь, исчезли персонажи Высоцкого! Станционного смотрителя сегодня тоже днем с огнем не сыщешь, и ничего — Пушкин же от этого не исчезает. Но тут весь вопрос в том, почему не исчезает. Потому что культура продолжает думать про то же самое, из «Станционного смотрителя» выходит «Шинель», а из нее — все остальные. Образ этого смотрителя живет в культуре как-то отдельно от факта его существования в реальности.

Если бы русская культура последние 25 лет продолжала смотреть в ту же сторону, куда смотрел Высоцкий, продолжала отслеживать, как исчезают его подводники, альпинисты, алкоголики, спортсмены, акробаты, военные, если не петь их голосом, то хотя бы слышать их SOS, то не надо было бы вспоминать ни про иглу, ни про козловые ботинки. Было бы другое, что можно вспомнить. Но каким-то удивительным образом она ухитрилась не замечать, как они исчезают, хотя это очень трудно. Они ведь громко кричат, когда бредят от удушья. Но она научилась не слышать, и это есть болезнь: когда земля осиротела, но факт ее сиротства неинтересен.

А Высоцкий что ж? Высоцкий сегодня неактуален.